

A detailed fantasy illustration of a man and a woman in a romantic pose. The man, on the left, has long black hair with red streaks and pointed ears, wearing a dark shirt and holding a dagger. The woman, on the right, has long red hair in braids and wears ornate armor. They are standing in front of a rocky cliff with cherry blossoms in the background. The title is written in large, ornate gold letters at the bottom.

Ясмина Сапфир

Синие
Топи
Пленники страсти

18+

Ясмина Сапфир

Синие Топи. Пленники страсти

«Автор»

2026

Сапфир Я.

Синие Топи. Пленники страсти / Я. Сапфир — «Автор», 2026

— Ты знаешь, кто я? — уточнил тихо, почти вкрадчиво, но его голос проник под кожу, заставив мурашки прокатиться вдоль позвоночника.— Знаю, — я старалась говорить твердо, решительно, хотя колени предательски дрожали. — Властелин Нового Шейрормира. Тот, кто правит всем этим местом. И тот, без кого никто здесь не выживет. А еще тот, кто вместе со своими Архимагами, подпитывается от попаданок, вроде меня, энергией через постель. Если женщина не подчиняется — ее ломают. Ауры попаданок иногда «высасывают» подчистую, тем самым, убивая ***Она — сильная, дерзкая, с уникальным даром и сердцем, разбитым тоской по детям.Он — безжалостный Властелин, вынужденный питаться энергией таких, как она, чтобы сдержать гибель всего живого.Их первая встреча — пощёчина, вызов, игра на грани. Между ними влечение, которое невозможно отрицать, и ненависть, которая слишком похожа на страсть.Однотомник.Книга по миру Страсти Архимага, попаданки для эльфов, истинная для двоих.

© Сапфир Я., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	10
ГЛАВА 3	16
ГЛАВА 4	19
ГЛАВА 5	23
Г	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Ясмина Сапфир

Синие Топи. Пленники страсти

ГЛАВА 1

Идриль

Наше время. Рынок, скрученное пространство в Синих Топях.

На рынке пахло специями, травами и потом. Этот запах вьелся в кожу, в волосы, в каждую клетку моего тела. Казалось, я уже никогда не смою ни ощущение унижения от осознания, что ты — лишь товар, который измеряют и взвешивают, оценивают и покупают, ни эти тошнотворные испарения.

Нас с товарками по несчастью выставили на всеобщее обозрения в прозрачном магическом коконе, похожем на аквариум. Как тут не вспомнить все эти уменьшительно-ласкательные моего мира «рыбка моя»...

Я сдержала злой смешок.

Огромный орк, который притащил нас сюда, периодически уходил и возвращался какой-то взъерошенный. Он явно кого-то ждал. Или наоборот — боялся, что этот кто-то придет. Его виски то и дело покрывались испариной, а огромные руки нервно сжимались в кулаки. Похоже, даже здесь, на этом проклятом рынке, был свой хозяин. Свой Властелин. Тот, перед кем трепетали даже самые свирепые орки и оборотни. В основном, именно эти воинственные расы устраивали набеги на город попаданок Кейзал, чтобы раздобыть новых рабынь.

Обращались с нами не сказать, чтобы плохо. Грубо не пихали, не били, даже нормально покормили в дороге. Но ощущать себя в роли рабыни было по-настоящему отвратительно. Меня мутило от собственного бессилия. От того, что я, женщина, умеющая держать меч и драться, кандидат наук на Земле, стою здесь, как безвольная кукла. Нелепо-беспомощная перед дикими устоями нового мира, а вот теперь еще и бесравная.

Я сцепила зубы и выпрямилась рядом с остальными вдоль стенки из теплого минерала Синей Горы, из которой и была выбита гигантская площадка для торгашей. Минерал приятно грел спину, но это тепло казалось скорее уж издевательским. Словно сама гора насмеялась над нами: «Вы живы, вы в тепле — чего еще могут пожелать жалкие рабыни?»

Ладно.

У меня есть цель, и я зубами выгрызу к ней путь. Я найду сыновей и верну. Даже, если для этого придется перегрызть глотку каждому, кто встанет у меня на пути. Даже если придется пройти через ад, рабство и унижение.

Когда наш продавец-орк опять куда-то ушел, соседка — Латифа — толкнула меня в плечо.

— Думаешь, они ждут Владыку? — шепнула она.

— Пфф... Какая разница? — скривила я губы, стараясь, чтобы голос звучал твердо и решительно, хотя внутри все дрожало и переворачивалось от эмоций. — Главное после покупки убить хозяина и сбежать.

— Ну ты даешь, — покачала головой Латифа, и в ее глазах мелькнула тень улыбки. — От Владыки еще никто не бежал.

— Значит, я буду первой!

— А ты смелая! — удивилась Дина, что стояла по другую сторону от меня. Ее светлые волосы слиплись от пота, а губы нервно вздрагивали при каждом слове.

— Будешь тут смелой, — процедила я сквозь зубы, чувствуя, как внутри снова бурлит злость. Злость на этот мир, на орков и на себя. Почему я не отбилась в тот день? Я ведь ради

этого столько тренировалась! И была одной из лучших воительниц! — Из свободной россиянки техногенного века превратилась в амазонку магического города Кейзал. А теперь — и вовсе в рабыню для утех местных правителей — Архимагов.

— Мы все в одной лодке, Идриль, — вздохнула Латифа. — На Кейзал регулярно совершают набеги, забирают женщин и продают в рабство. Так или иначе, все равно когда-то это случилось бы. С твоей-то мощной аурой и уникальным даром...

— Сколько ты тут? — покосилась я на нее, пытаясь отвлечься от нарастающего ощущения безысходности.

— Три года, — откликнулась Латифа. — Успела привыкнуть. И ты однажды привыкнешь, ничего не поделаешь.

Я собиралась возразить, когда все вокруг словно бы замерло.

Торговцы перестали шуметь и болтать без умолку. Выстроились в шеренгу, опустив головы. Смотрители рынка — нечто вроде полиции — в основном орки и оборотни, одетые лишь в одни брюки, что низко висели на бедрах, не скрывая курчавые поросли над ремнем — тоже вытянулись по струнке, как по команде. Даже воздух стал плотнее и тяжелее — давил так, что хотелось аж сгорбиться.

— Они так ведут себя, будто, реально, сюда явился сам... — шепнула Дина.

— Какая разница? — демонстративно вслух сквозь зубы процедила я, хотя внутри все сжалось от нехорошего предчувствия.

— Тише! — шикнула на меня девушка с середины шеренги. — Себя не жалко, других хоть не подставляй!

Я замолчала, и в эту минуту тишина стала совершенно пронзительной. Такой, что аж в ушах зазвенело. Сердце забилося где-то в горле, ладони и стопы покрылись холодной, липкой испариной.

Только редкие всполохи в небе, похожие на сосуды под кожей, потрескивали то лиловым, то синим. Синие Топи, которые окружали этот островок жизни, не собирались ни перед кем лебезить или склонять голову. Смертоносные, неподкупные и непокоренные, они демонстрировали — кто тут, на самом деле, главный, а кто — раб. Раб этого места, заточенный между болотами, на единственном живом островке суши среди их бескрайнего и беспощадного царства.

Я усмехнулась, глядя в сумасшедшее небо, и вдруг услышала оклик издалека. Певучий, льющийся, как ручей мужской голос, казалось, проникал прямо под кожу:

— А ты дерзкая, как я погляжу?

Я оглянулась на звук... В нашу сторону двигался высокий, крепкий дроу, с необычным для этой расы цветом кожи — будто бы человеческим, загорелым. Полукровка, насколько я знала.

Красные пряди возле лица на фоне иссиня-черных волос говорили не только о том, что в нем течет кровь аттанов, прославивших лучшими любовниками и воинами. Но еще и о том, что это... Однозначно и без вариантов...

К нам шагал Селармин Аль Зарртрас. Властелин Нового Шейрормира — куска живой земли посреди гибельных Синих Топей.

Выйди за пределы этого островка — и ты труп. Если не умрешь от испарений, погибнешь от мясорубки скрутки пространства, которая постоянно движется, разрывая материю и складывая, ее как попало. За пределами Нового Шейрормира никто не протянет больше пяти минут. И это не факт.

А здесь... здесь есть лишь один выход — подчиняться этому гаду.

Я подняла на него глаза, и заметила, что Селармин слегка изогнул красивые брови. Его лицо было бесстрастным, спокойным, но в глубине янтарно-красных глаз плясало странное, голодное пламя. Я почувствовала, как внутри все сжимается от тревожного предчувствия.

Властелин двигался к нам плавно, словно почти плыл над землей. Каждое его движение было выверено, буквально отточено до совершенства, как у хищника на охоте.

И выглядел он убийственно очевидно-красивым. Статный, плечистый, с узкой талией, подчеркнутой черными брюками из чуть грубоватой материи. Из такой же была сшита и его угольная рубашка, расстегнутая практически до пупка, открывая взгляду идеальный, скульптурный торс. Наряд Властелина нарочито, вопиюще контрастировал с одеждой его брата и первого советника — Исилдраса. Этот казался типичным выпендрежным светлым эльфом: с белой кожей, с зелеными, как молодая листва, глазами и носил рубашку с кружевными манжетами и воротом и брюки из замши. Ну прямо живая иллюстрация к какому-нибудь земному роману или же фильму. Впрочем, на фоне Селармина он все равно терялся и выглядел лишь бледной копией настоящей мужской привлекательности и харизматичности.

Волосы Властелина на висках были заплетены во французские косички, чтобы убрать лишние пряди от лица, открыть умный лоб, скульптурный нос и красные, жестко очерченные, пухлые губы. Они казались слегка грубоватыми на фоне губ других эльфов, того же Исилдраса, но именно этим и привлекали, притягивали взгляд. Эдаким сочетанием дикой брутальности и вопиющей, бескомпромиссной соблазнительности. Народ смотрел на Селармина и его советника с каким-то суеверным страхом и благоговением. Торговцы, рабы, стражи опускали головы, орки и оборотни прижимали руки к груди, эльфы кланялись, едва ли не в пояс.

И я отлично понимала причину. Только лишь магия Селармина, его брата и других Архимагов сдерживала скрутки пространства на границах Нового Шейрормира, не позволяя им проникнуть сюда. Если это случится — нам всем конец. Вот почему никто и никогда не переступил этим двоим. Вот почему никому и в голову не пришло бы с ними спорить или же возражать.

И вот почему без армии, без тысячи слуг и охранников они ходили везде, как у себя дома. Никто не посмел бы даже попытаться атаковать.

Впрочем, была и еще одна причина — те же силы, которые позволяли Селармину «сдерживать Топи», как принято говорить, могли убивать — мгновенно или очень медленно и болезненно. Только он и его родственники владели такой особенной магией.

Как ни крути, эти двое на рынке были самыми опасными существами на нашем куске суши. И самыми важными тоже.

А еще ходили слухи, что для защиты Нового Шейрормира от скруток пространства им нужен особый настрой и особенная энергия. Поэтому даже расстраивать эту семейку никто не посмел бы.

Впрочем. Я тоже особенная. И это не бравада, а констатация факта. Мой дар уникален и необычен, аура — самая мощная из всех, с кем встречалась, если не считать Архимагов.

И мне тут однозначно не место.

Пока эти мысли прокручивались в голове, я смотрела на Селармина, и его красновато-янтарные глаза странно гипнотизировали. Властелин неотрывно поддерживал зрительный контакт, продолжая слегка изгибать красивые брови. Казалось, он видит меня насквозь. Считывает, будто рентгеном, каждую мысль, каждое сомнение и каждую каплю страха, который я так отчаянно прячу внутри. И это было хуже любой пытки, хуже любых ругательств в мой адрес. Спокойное, молчаливое выворачивание наизнанку, изучение как под микроскопом.

Наконец, Селармин приблизился, и орк-торговец засуетился. Его огромное тело замесилось между нами и Властелином, словно он не знал, куда себя деть.

— О, великий Селармин! Какая честь! Хотите взглянуть на товар? Сегодня отличный улов! Попаданки, все как одна, молодые, здоровые, свежие. С великолепной аурой и энергией. Эта, например, — он ткнул пальцем в одну из женщин, — плюс ко всему отлично поёт. А эта...

— Заткнись, — бросил Селармин, даже не взглянув в его сторону. Голос звучал тихо, без интонаций, без малейших признаков раздражения, но орк аж посерел, прикусил губу и отступил. Я видела, как дрожат его руки.

Властелин, словно никого больше не видя, шагнул ко мне и бесцеремонно взял горячей ладонью за подбородок. Его рука прошла сквозь магический купол — непроницаемый для других — словно бы и не заметив преграды. Он легко находился одновременно и вне «аквариума», и частично внутри. В месте, где его пальцы касались кожи, я ощутила какое-то странное покалывание и тепло.

Я оказалась Селармину только по грудь, но выпрямилась, расправила плечи и спокойно стояла под тысячей взглядов. Под потрясенным взглядом Исилдраса, который не скрывая эмоций, аж вытянулся, будто шест проглотил. Под испуганными взглядами других попаданок, которые жались друг к другу, пытаясь стать невидимками. Под опешившими взглядами торговцев — эти выглядели так, словно вообще не понимали уже — на каком они свете и что происходит у них на глазах. Под шокированными взглядами других покупателей и зевак.

— Имя, — приказал Селармин, глядя в упор. Его пальцы чуть сжали мой подбородок, и я ощутила, как они нагреваются.

Я чуть помолчала, подавляя внутренний протест, стараясь говорить ровно, хотя сердце бешено колотилось где-то у горла и ярость закипала в груди.

— Идриль.

— Ты здесь недавно? — он скорее утверждал, нежели спрашивал, но я максимально спокойно ответила:

— Да. Полгода.

Селармин сделал еще шаг и оказался практически вплотную. Казалось, воздух между нами аж накалился, внезапно заискрился мириадами молний. Пространство стало плотным и осязаемым, каким-то клейким, и словно стягивало нас еще ближе, не позволяя отстраниться или же отклониться. От Селармина, как и от других эльфов, почти не пахло — едва-едва тянуло нотками цитрусовых, металлом и дымом костра. Это странное, контрастное сочетание почему-то слегка кружило мне голову.

Я чувствовала Властелина, не прикасаясь, и он, казалось, тоже меня ощутил. Еще сильнее приподнял черные брови и слегка дернул уголком губ.

— Ты знаешь, кто я? — уточнил тихо, почти вкрадчиво, но его голос проник под кожу, заставив мурашки прокатиться вдоль позвоночника.

— Знаю, — я старалась говорить твердо, решительно, хотя колени предательски дрожали. — Властелин Нового Шейрормира. Тот, кто правит всем этим местом. И тот, без кого никто здесь не выживет. А еще тот, кто вместе со своими Архимагами, подпитывается от попаданок, вроде меня, энергией через секс. Если женщина не подчиняется — ее ломают. Ауры попаданок иногда «высасывают» подчистую, тем самым, убивая, а иногда — так, что они перестают ощущать собственный дар, но хотя бы скоростижно не умирают... Продолжают существовать, как обычные люди.

Я сказала это громко, нарочито без интонаций, как о само собой разумеющемся. Каждое слово давалось с трудом. В груди бушевала холодная, как заточенный металл клинка, ненависть, смешанная с чем-то еще — с тем, чему я отказывалась давать название. С тем, что заставляло мое тело откликаться на присутствие Селармина.

Так чувствуешь кого-то на расстоянии и вблизи, ощущаешь помимо воли, чем бы ни занялась и как бы ни отвлекалась.

Остальные попаданки аж поежились от моих слов. Несколько торговцев, что приблизились, дабы получше слышать наш диалог, отшатнулись. Другие — совсем отошли, чтобы не отвечивать и не попасть под горячую руку. Наш орк-продавец выглядел так, словно проглотил таблетку с ядом и ждет, когда отравы превратит его в труп. Остальные рабыни в «моем аквариуме» одинаково воззрились в одну точку, прикидываясь, что ничего не слышат и не видят вокруг.

Напряжение в воздухе, чудилось, можно, действительно, пощупать руками. Насыщенное, словно атмосфера перед грозой озоном, тяжелое, будто увесистый мешок на плечах, и гулкое, точно где-то изо всех сил били в огромный колокол.

Но я подобралась, вскинула голову и стиснула зубы в отчаянном вызове. Я не собираюсь перед ним унижаться. Я нужна ему. У меня тут самый мощный аурный потенциал и самая уникальная энергетика. Как ни крути, а он меня купит и использует, что бы ни произошло. Избей он меня, покалечь – и такая ценная аура, энергетика уйдут на регенерацию, на мои внутренние нужды. С этим даже Архимаг ничего не поделает. Следовательно, истязать меня не в его интересах, изощренно издеваться психологически – тоже. Это также отнимает энергию.

Других таких пока нет нигде, и они могут не появиться еще многие годы. Я — отличная «батарейка» для дара Селармина и его Архимагов, чтобы те поддержали свои силы и Новый Шейрормир на десятилетия. Поддержали ценой... того, о чем мне даже думать сейчас не хотелось.

Пойти по кругу... наверное, страх каждой женщины, которая, как и я, пережила лихие двухтысячные. Для меня Селармин и его клика ничем особо не отличались от простых гопников, что точно так же пускали женщин по кругу. Они ведь тоже защищали свой район от других гопников и поддерживали какой-то порядок. А цена... для них была неважна.

Но еще и позволять вытирать об себя ноги я не позволю. Вот уж нет! Ни за что!

Селармин помолчал, глядя в глаза, и в его янтарно-красных зрачках плясало незнакомое, опасное пламя. Наверное, стоило бы стушеваться, изобразить покорность, хотя бы уронить взгляд. Но я не хотела, не умела и не планировала.

— И что ты чувствуешь? — вопрос Властелина прозвучал очень странно, как будто не к месту, к тому же, без ожидаемого нажима в голосе, после которого многие тут вздрагивали и пятились. Орк-торговец приподнял бровь, но под взглядом Исилдраса опять опустил. — Ненависть? Злость?

Я непроизвольно чуть усмехнулась и честно ответила:

— Интерес. Любопытно, как долго ты сможешь смотреть на меня, прежде чем поймешь, что я — не твоя несчастная и покорная жертва.

Исилдрас за спиной Селармина едва слышно ахнул. Орк-торговец отступил к каменной стене и словно попытался слиться с ней барельефом. Остальные девушки жались друг к другу и покорно смотрели на свои ноги.

Селармин медленно выпрямился и показался еще выше и крупнее. Еще более сильным и одновременно гибким. Облизал губы, проведя по ним языком так, как собирают остатки чего-то сладкого, что жалко просто вытереть или смыть, отпустил мою голову и, крутанувшись спиной, бросил через плечо:

— Заберите ее. В мои личные покои. Немедленно.

Я услышала, как с каким-то тихим звуком «чпок» сомкнулся магический купол между нами и Властелином.

ГЛАВА 2

Селармин

Я видел ее и... никого больше. Словно на просторной площадке рынка мы остались одни. Остальной мир исчез, будто бы растворился в сером тумане.

Для меня существовала сейчас только она. Только ее глаза — огромные, янтарные, что смотрели со смесью боли и вызова. Только ее запах, который я уловил еще до того, как приблизился — немного озона, капельку пепла, и тонкая, едва уловимая нотка корицы. Только ее аура — слепящая, как полуденное солнце в глаза, неистовая, словно лесной пожар, который невозможно ни приручить, ни остановить. Она обжигала, и одновременно манила, притягивала, как чистейший родник в пустыне.

Она была одновременно стройная и фигуристая. Такое удивительное сочетание тонкой талии, круглой, аппетитной попы и высокой груди, которая сейчас вздымалась явно не от приятного волнения встречи.

И это вызывало во мне не раздражение, не досаду, а скорее восхищение и уважение.

Рыжие волосы попаданка заплела в множество кос, как часто делали воительницы Кей-зала. На ней и костюм был соответствующий — кожаный доспех, юбка которого открывала вид на стройные и одновременно мускулистые ноги.

Она была создана, чтобы сражаться, отчаянно отстаивать себя и других. Уж однозначно не для покорности судьбе или кому-то еще.

Я видел, как напряжены ее плечи и спина натянута подобно струне.

Она была готова к бою и к сопротивлению даже сейчас, даже в клетке из мощного энергетического поля, запертая, беспомощная и безоружная.

Черты треугольного личика казались почти детскими, с этим чуть курносый небольшим носом и губами, будто нераспустившийся бутон. Но глаза — огромные, янтарные — горели вполне взрослым огнем силы духа и где-то, в самой их глубине затаились горечь потери и страх. Не страх передо мной, вовсе нет. Страх, что она навсегда утратила нечто слишком важное и дорогое, чтобы просто смириться и отпустить.

И я, который прожил тысячелетия, видел множество женщин — лучших, прекрасных, послушных и вздорных, непокоренных, словно мальчишка, не мог прервать контакт наших глаз.

Руки, с длинными, красивыми пальцами и аккуратными ногтями, сжимались в кулаки так, словно все еще держали оружие. И почему-то я невольно подумал, как бы она сжимала другой клинок... Мой... От этой мысли горячая волна прошла по всему телу, и я испытал приступ резкого, внезапного возбуждения, какого не чувствовал десятки веков. Оно прокатилось по венам, вспенило кровь и заставило облизать губы.

Она смотрела на меня как на равного. Даже не так. Она словно читала меня, как раскрытую книгу. Перебирала страницы, листала, задумчиво пробежала взглядом строку за строкой. В груди кольнуло нечто чужое, давно забытое, и казалось бы — похороненное после всего, что с нами случилось. Похороненное под цинизмом необходимости выжить любой ценой и других вытащить любой ценой, не думая о средствах. Что-то, что я прятал так глубоко, что уже и сам забыл о его существовании.

За тысячелетия здесь я успел привыкнуть, что меня лишь боятся. Орки, оборотни, темные эльфы и люди, запертые тут волею судеб и вынужденные выживать бок о бок друг с другом. Попаданки, для «отлова» которых мы создали специальные порталные сети в иные миры. Я давно уже считал обыденностью и нормальностью, что окружающие падают ниц, когда появляюсь. Что даже сильнейшие Архимаги в моем окружении говорят шепотом, стараются не делать

лишних движений и контролируют мимику, боясь нарочитым словом или жестом привлечь мое внимание, разбудить гнев.

А эта женщина... просто смотрела.

В ее широко распахнутых, лисьих глазах не было ни страха, ни благоговения, ни тени опасливости. Скорее уж какая-то отчаянная решимость. Она знала, кто я, но все равно продолжала смотреть именно так.

Внезапно внутри что-то болезненно сжалось, а потом обожгло — навязчиво, горячо. Как нечто, что я не могу контролировать.

Интерес? Да. Настоящий, живой интерес. Желание? Тоже. Но не исключительно плотское. Мне хотелось узнать ее. Понять, что скрывается за этой маской дерзости и вызова. «Непобедимый Дальвинирт! Мы и не таких ломали! Заставляли служить нашим целям, для которых сюда притащили! — промелькнула мысль. И вдруг, будто отголоском ощущений и опасений пронзило: — Эту... эту сломать не получится. Но придется».

Я почему-то констатировал факт с неприятным ощущением горечи во рту и совсем уже странным, нелогичным чувством досады. Мир требовал от меня силы, бескомпромиссности и жесткости в ежедневной борьбе.

Жизни всех, кто тут находился, зависели от меня, и ее, в том числе. А для этого мне требовалось подчинить ее, сломить волю и взять, как и всех остальных. Но... что-то внутри противилось, дергало нервы — не столько чувствительно, скорее даже болезненно. И вместо обычного, закономерного желания восстановить потенциал, чтобы и дальше сдерживать чудовищные скрутки пространства вокруг нашего островка жизни, внутри разверзлась гулкая пустота. И ее медленно, с какой-то пугающей неизбежностью, заполняло желание увидеть, разобраться, считать, что скрывается за этими ее глазами цвета юного янтаря.

Пока шел с рынка, ее голос все еще звенел где-то внутри. Такой высокий, чистый, будто горный ручей. Певучий и одновременно хлесткий, словно бьющий кнутом по щекам. Мои пальцы все еще помнили мимолетный контакт с ее подбородком. Кожа была прохладной и гладкой, и это касание словно ударило током в солнечное сплетение, растеклось по телу горячей волной.

— Ты знаешь, кто я?

— *Знаю. Властелин Нового Шейрормира. Тот, кто правит этим местом. И тот, без кого никто здесь не выживет. А еще тот, кто вместе со своими Архимагами подпитывается от попаданок, вроде меня, энергией через секс. Если женщина не подчиняется — ее ломают. Ауры попаданок высасывают иногда подчистую, до гибели женщин, а иногда — так, что они перестают ощущать собственный дар, но хотя бы скоростно не умирают... Продолжают существовать, как обычные люди.*

В ее словах не было страха, не звучало скрытой мольбы о пощаде или о том, чтобы брал нежно, не жестко и не совсем уже потребительски. Я привык видеть *этов* глазах попаданок, которых выбирал на базаре. Во взгляде же Идриль звучала лишь констатация фактов. Она говорила правду, и эта правда казалась острой, словно клинок у горла, такой же ледяной и опасной.

Я знал, что весь наш мир, построенный на простой формуле — энергия попаданок плюс семейная магия — равно сдерживание скруток пространства — порочен изначально и абсолютно. Мы забирали этих женщин из их привычной жизни, от близких, использовали, словно в борделе, и, высушив ауру, отпускали обратно. Опустошенных не только энергетически, но и психологически. Иной раз родственники так расходились в попытке «прокачать» свою силу, что просто убивали попаданок в процессе. Я убеждал себя, что это необходимо ради выживания многих, что иначе нельзя, нет других способов. Но впервые эта необходимость неожиданно встала мне поперек горла.

«Она не сломается, — сказал я себе. — Придется завоевать. Иначе ее аура и энергетика не откроются мне в полной мере. А терять даже каплю чересчур расточительно. Это все равно что промывать драгоценные камни через крупное сито, выбрасывая часть в мусорку, в никуда».

Я будто самого себя убеждал, находил все новые и новые аргументы.

Внезапное осознание почти сбило с ног...

Я уже давно отвык завоевывать, лишь только брал. И делал это не потому, что считал себя выше любого закона или женщины казались исключительно средством для подпитки и удовлетворения естественных потребностей. Вовсе нет. Я делал это почти механически, потому что иного пути попросту не было. Я не жалел их, потому что судьба нас не жалела, и не пыталась понять.

Но... она вдруг стала мне интересна. Внутри проснулся какой-то нерациональный, непонятный огонь, который разгорался все ярче и все сильнее давал о себе знать. Я словно пробудился, очнулся от той не-жизни, которую вел, и стал гораздо более живым, нежели когда-либо прежде.

Где-то глубоко даже скреблась, словно кошка когтями, от которых чувствительно саднит, мысль: «Что, если у меня не получится». И даже: «Что, если я ей совсем не понравлюсь как мужчина, не как тот, кто ответственен за ее беды».

Впервые я испытал нечто совсем уже невероятное, непривычное и даже неприличное для Архимага моего возраста и положения, для жестокого Властелина, что держал всех в узде.

Неуверенность в себе?

Страх быть отвергнутым?

Аттаны вообще такого не знали. Даже если женщины их отвергали, они добивались, не так — так эдак. Приручали ласками, поцелуями, так, что женщины становились зависимыми от всего этого.

Аттанам внушали, что не бывает неприступных женщин, есть те, к которым ты просто подход не нашел.

Тогда откуда же это во мне?

Как оно проникло, пробралось куда-то под кожу и свилось гадким клубком противоречий, сомнений?

Если бы я не был уверен, что Архимаги нашего клана не способны иметь истинную пару, решил бы... Но нет! Нет! Как бы мы ни изменились в процессе того ужасного катаклизма, взрыва и всего остального, этого просто не может быть! Иначе за тысячелетия здесь кто-то да отыскал бы свою пару...

Я приказал привести попаданку к себе и двинулся прочь, чтобы хоть немного унять смуту внутри. Чувствуя ее взгляд у себя на спине. Такой сверлящий и такой... осуждающий? Я ощущал его каждой клеткой, каждым натянутым до предела нервом и каждым кусочком того Селармина, что оставался еще где-то внутри. Это казалось одновременно невыносимо-болезненным и прекрасным, волнующим.

Толпа расступилась, пока я покидал площадку рынка на Синей Горе. Я ощущал тонкие нити ауры, мог сплести их и расплести, но хотел чувствовать... лишь ту пылающую, жгучую точку, которая оставалась далеко позади. И чувствовал. Еще как!

Исилдрас догнал у выхода с рынка, откуда широкая каменная лестница спускалась к подножию скалы, где мы открыли портал.

— Брат, ты уверен? — спросил он встревоженно. — Внутри нее словно незнакомая магия. Я с таким еще ни разу не сталкивался. Мне кажется, ее нужно выкачать и уничтожить как можно скорее.

Я остановился и так покосился на брата, что тот отшатнулся. Ярость закипела мгновенно — горькая, ослепляющая и абсолютно, просто катастрофически нелогичная.

Исилдрас говорил дело. Любая новая, непонятная магия была способна критически нарушить баланс и погубить всех. Мы не могли ее предсказать и не знали, чем она обернется. Как будет взаимодействовать с Топями, со скруткой пространства и самим миром.

Выкачать ее, превратить просто в энергию и заставить служить нашему выживанию, было самым правильным из всего, что стоило бы предпринять в таком случае.

Но неожиданно для себя, для брата я поддался эмоциям, чувствам и был не в состоянии с этим бороться. Да и не хотел почему-то.

— Если кто-то коснется ее без моего приказа, — сказал очень тихо, но позволяя металлу звенеть в голосе сотней клинков, — Я лично вырву ему сердце. Понял?

Исилдрас быстро слотнул. Его лицо побледнело, а в глазах мелькнул панический страх. Он хорошо знал, что я никогда не бросаю слов на ветер и угрозы на ветер тоже никогда не бросаю.

— Вполне, — отозвался глухим эхом.

— Она остается у меня. Все остальные, кого мы уже выбрали — на подпитку. А эту... я разберусь сам.

Я шагнул в сияющий разлом, что вел в замок, оставив брата проследить за выполнением приказаний. И уже даже здесь, в своей вотчине, в стенах, выбитых некогда Темными Эльфами в Хрустальной горе специально для нас, Архимагов семьи Аль Зарртрас, осознал, что попаданка осталась на рынке, но ощущения от ее присутствия не прошли. Она будто что-то заронила внутри, и оно не просто свербело, не просто жило и не просто давало о себе знать — оно разрасталось, подобно дереву пуская корни в благодатную почву. Еще и еще. Незаметно, но ощутимо, мощно и абсолютно бескомпромиссно.

Меня аж чуть потряхивало в предвкушении от нашей новой встречи совсем скоро. Я оказывается даже забыл, каково это — в непонятном тревожном волнении ждать прихода женщины... Это было странно и... совершенно неправильно. Но ощущения продолжали захватывать, растекались в груди пульсирующим жарким шаром и устремляться ниже, выше, во все стороны.

Пальцы, казалось, все еще хранили ощущение от ее кожи — глянцево-гладкой и нежной, словно едва распустившийся хрупкий цветок. Вспомнилось, как она сжимала кулаки и как я подумал, что неплохо бы вместо оружия вручить ей нечто совершенно другое... И возбуждение снова нахлынуло, подобно нестерпимому зуду отозвалось в теле.

Я почувствовал, что уже сейчас бы занялся восстановлением потенциала. Ускорился, игнорируя взгляды советников, приближенных Архимагов, и устремился в свои покои. Миновал широкую залу для приема посетителей, еще несколько помещений и скорее влетел, нежели вошел в свою спальню.

Здесь уже все было убрано после ночи. На огромной каменной кровати лежали мягкий матрас и алые подушки с золотистой вышивкой. Коврик на полу поменяли на красный с нежным бархатистым ворсом и узором в виде старой эльфийской письменности. Я вдруг окинул взглядом комнату и подумал, как бы она смотрелась у меня на постели. Изогнувшись, глядя именно так, как на рынке. Без страха, с вызовом и с пониманием. С очевидным ощущением, что грядет, но и без желания покориться.

Возбуждение еще раз окатило горячей волной, ударив в виски бешеным пульсом. Я уже очень давно так не ощущал себя в предвкушении секса, который стал чем-то обычным, простым, как обязанность спасти Новый Шейрормир. В паху вдруг стало тесно, хотя обычно я позволял своему телу так распускаться только непосредственно перед слиянием. Даже неприятно было от плотной ткани брюк.

Я поправился, просунув руку и меняя положение того, что не должно было вот так внезапно восстать без присутствия женщины. Я достаточно владел своим телом и инстинктами,

как аттан, чтобы подобного не случилось. Однако плоть все равно неприятно упиралась в ткань брюк и настойчиво требовала своего.

Я прошелся в каком-то нервном нетерпении и предвкушении. Минуты тянулись до бесконечности. Я неожиданно понял, что весь ушел в слух и зрение, улавливая малейшие шаги и движения неподалеку. Я не мог думать уже ни о чем, кроме того, что ее сейчас приведут. Это было так непохоже на меня, так странно и непонятно, что где-то внутри зрело ощущение полнейшей неправильности. Я должен подпитываться от нее — и все... Но мне было сейчас настолько же не до подпитки, как и не до государственных дел.

Шелест двери дал знак, что я, наконец-то, дождался.

Я крутанулся на пятках и смотрел, как Идриль вышагивает через все покои, с нарочно распахнутыми настежь дверями.

Медленно. С достоинством, какого я уже очень давно не видел от попаданок. С расправленными плечами и прямой, гордой спиной. Не озираясь и глядя в упор. Тем же взглядом, который недавно вывернул меня наизнанку на рынке и поселил внутри непонятный огонь.

Я замер, а она — шаг за шагом — приблизилась и остановилась в центре комнаты. Скрестила руки на груди и расставила широко ноги, будто планировала сражаться.

Наши взгляды столкнулись, как сталкиваются две молнии в небе. Раз — и все, процесс безнадежно запущен. Неизбежность прокатилась по телу ощущением, что теперь все катастрофически поменяется.

Мне стало неприятно и даже неловко смотреть ей в глаза, хорошо понимая, зачем мы ее притащили в этот мир, и одновременно я оказался не в силах в них не смотреть. Это было упоительно-болезненное ощущение, от которого нельзя отказаться.

Я двинулся к ней, раскалывая тишину звуком шагов и упруго отталкиваясь стопами от пола, словно стремился побыстрее настигнуть, как хищник добычу, чтобы не упустить. Она не испугалась и не поежилась, все так же стояла, не шелохнулась. На ее лице было спокойное ожидание худшего. Я замер, остекленел в понимании, что ее худшее — это я.

Я! Ее худшее!

От этой мысли почему-то стало до отвратного тошно. Раньше мне было совершенно плевать, что там чувствуют и думают попаданки. Я привык жертвовать чужим самолюбием и волей — единственными — ради тысячи жизней других. Детей, которые здесь родились и не знали другого мира совсем. Стариков, которых мы защищали и поддерживали, насколько могли. Друзей, близких, чужих, незнакомцев.

Я был чудовищем и одновременно героем-спасителем. Я свыкся со своей ролью, она стала для меня чем-то вроде непривычного облачения. Вначале надел и чувствуешь — все не то, не так сидят рукава, жмут манжеты, штаны как-то неловко складываются при быстром шаге. Но спустя какое-то время привыкаешь, и даже настолько, что эта одежда, вначале неуютно-чуждая, не такая, как надо, становится вдруг второй кожей.

Уж так вышло. Я столкнулся с катастрофой лицом к лицу, попытался сдержать и... изменился. Стал для нее чем-то вроде антагониста, потому что моя магия и энергия переродились, как и я сам.

Когда-то мы с Исилдрасом были очень похожи. Только красные пряди волос напоминали о том, что моя мать — дроу из племени аттанов, а его — светлая эльфийка. Даже цвет кожи мне от нее не достался. Теперь же я стал непоправимо другим. Внешне. Энергетически. И внутри.

До попаданки оставалась пара шагов или чуть больше, когда она вдруг скривила красивые, сладкие губы, от которых я едва мог отвести взгляд, и выпалила:

— Будешь насиловать? Ради общего блага надругаешься над женщиной?

И вот скажи это любая другая, я бы расхохотался ей в лицо и все равно смял, взял, сделал своей. Заставил, как меня обучали, забыть о протесте, о ситуации, о насилии, и ощутить жгучее желание. Они все, в результате, стонали подо мной и отдавали энергию без нажима. Я умел

заставить хотеть, умел так касаться и так целовать, что женщины извивались, стонали и молили о том, чтобы я взял их тело и ауру. Молили, чтобы не останавливался...

Но сейчас весь мир опрокинулся на меня от ее слов. В венах закипела не кровь, а коктейль из какого-то дикого, почти животного желания ее тела — так зверь, в момент весеннего гона вообще не соображает, что делает, и только берет, снова берет и владеет. К этому бешеному ингредиенту примешивалась ярость от мысли, что она права. Она точно права, и иначе не будет. А еще почему-то в эту невозможную, взрывную смесь вливалось ощущение какого-то щенячьего восторга и предвкушения, вообще непонятно откуда взявшихся и заставлявших меня млеть и теряться рядом с попаданкой.

Млеть и теряться! Непобедимый, беспощадный Дальвинирт! Что со мной? Как это случилось? Когда? На рынке или только сейчас? В момент, когда наши взгляды неожиданно столкнулись друг с другом? Или, когда — кожей к коже — я коснулся ее подбородка рукой?

Я так и замер, не находя ответа.

Она молчала, чуть опустив голову, словно ощутила мое смятение, состояние, будто оно и в нее внезапно проникло... И попаданке это абсолютно не нравилось. Ее брови сдвинулись к переносице, губы сжались в тонкую линию. Она явно пыталась понять, что происходит, и не находила логичного объяснения.

Впрочем, и меня все происходящее абсолютно не приводило в восторг. Хотя что-то у нас с ней образовалось общее, очень похожее...

Я чувствовал, как внутри разгорается странный, опасный огонь, который не могу контролировать. И этот огонь требовал от меня не власти, а близости, не покорения, а поиска взаимности.

Невзирая на расстояние, что нас разделяло, я отчетливо мог видеть, как бьется жилка на ее шее и опасно расширяются зрачки. Ее губы слегка приоткрылись, словно попаданка собиралась еще что-то сказать, но передумала.

Я ждал. Мне хотелось услышать ее голос опять. Хотелось смотреть, как она говорит, как двигаются ее губы, как в глазах отражаются эмоции, которые она так отчаянно пытается спрятать.

Я хотел вытащить их наружу, понять, разобрать по полочкам.

Но попаданка молчала. И это молчание опрокинуло мой мир снова.

Я едва сдерживался, чтобы не преодолеть расстояние между нами, не коснуться, не прижать и не прочувствовать ее в полной мере. До предела, до какой-то границы, за которой стираются «я» и «она» и остаются лишь только «мы». Без возможности вернуться назад.

ГЛАВА 3

Селармин

Тысячи лет назад

Гигантский комплекс по переработке космической магии загудел, завибрировал и включился, принялся генерировать новую, настолько полезную всем нам энергию. Гул проникал в грудь, отдавался где-то внутри, и я чувствовал, как воздух вокруг сгущается от мощи, которая рождалась в недрах монументального сооружения. Мы дружно бросились регулировать уровни силы, всплесков и сгустков, которые бурлили в нем, сталкивались и перерождались в нечто совершенно иное. То, что должно было оживить бытовые машины и сделать нашу жизнь менее зависимой от магии и Архимагов.

Внезапно я ощутил сильные волнения энергии или вроде того. То, что почти никто из семьи не чувствовал, не воспринимал. Словно где-то в недрах великанского комплекса рождалось нечто неуправляемо-опасное, нечто, готовое доказать нам, высокомерным идиотам-ученым, что его никак нельзя подчинить. А если попытаться, то выжившие очень скоро позавидуют мертвым.

По спине пробежал холодок, закрутился вдоль позвоночника, и я даже немного поежился.

— Отец, дядя, — обратился к старшим в семье, стараясь, чтобы голос звучал ровно, хотя внутри все сжималось от дурного предчувствия. — Что-то не то...

Оба покосились на меня с изрядной толикой недоверия и скепсиса. Отец покачал головой, дядя слегка усмехнулся. Они считали меня слишком мнительным, слишком молодым, чтобы понимать такие сложные вещи.

— Посмотри, Сел... Это же чудо! Ты, возможно, ощущаешь нечто вроде отдачи от работы нашего комплекса... Кристаллы ничего не показывают.

Отец ткнул пальцем в странный агрегат, что ездил по полу и собирал пыль, грязь. Мы магически это тоже могли, но теперь, с такими устройствами, любой сумел бы облегчить свой быт, при этом не тратя драгоценную энергию, силу. Не то, чтобы мы в тот момент сильно заботились о племенах без магии или с очень слабым потенциалом, но и про них тоже думали.

Открытие выглядело грандиозным прорывом.

Стены комплекса пульсировали, словно живые. Светильники из кусков Черной и Синей горы, которые впитывали солнечные лучи и излучали либо свет, либо тепло, выложенные линиями вдоль коридоров и залов, будто расчертили его, как тело — сосуды. Белые стены казались практически стерильными и спокойными. Из стационарного ограниченного портала энергия лилась и делилась, струилась по новым таким же, только совсем тонким, и попадала в другие приборы. На плите загоралось магическое пламя абсолютно без участия одаренного. По комнате туда-сюда ездила лодка без весел — будто летала по воздуху.

— Это же потрясающе! Великолепно! — вторил отцу дядя, и его глаза лучились неподдельным почти детским восторгом. — Мы сможем двигаться по планете без магии, причем даже подниматься под облака на этих штуковинах. Мы будем готовить и убираться, не разбазаривая на ерунду дар Архимагов, и дадим возможность другим племенам облегчить быт и условия жизни!

Я не разделял радости не потому, что не осознавал значения открытия и того, что происходило у меня на глазах. Это был исторический день, и то, что я видел, действительно, казалось невероятным, фантастическим и потрясающим. Но... странности в пространстве ощущались все сильнее и сильнее. Словно какая-то часть энергии отделилась и начала нагнетаться, рваться и пытаться освободиться. Мы тогда еще до конца не понимали, что есть разные ее виды, и с каждым следует взаимодействовать по-своему. Не осознавали, что существуют еще какие-то

частицы, тоже очень разные и необычные, и от них процессы также зависят. Мы были перво-проходцами и экспериментаторами.

Сгусток космической магии — такой плотный, что мог обеспечить планету на миллиарды лет, и даже больше, стал нашим открытием... и погибелью.

Внезапно свет начал мигать, словно минералы то теряли мощь, то обретали. При этом они как будто менялись — одни вспыхивали ярче, другие — слегка затухали. Послышался гул — вначале тихий, а затем более мощный. Я почувствовал, как пол под ногами начал вибрировать, и эта вибрация передавалась в мои кости, в зубы, заставляя их стучать друг о друга. Отец встрепенулся:

— Сигнализация?

— Может, просто случился сильный всплеск магии? — спросил дядя, но в его голосе уже не было прежней железной уверенности. Он побледнел, и я сразу заметил, как чуть вздрагивают его пальцы. В глазах мелькнул страх — первобытный, животный, инстинктивный — который так не свойственен эльфам из влиятельных кланов.

Холодная уверенность и решимость — вот наш конек...

Только не нечто на уровне дремучих опасений и паники.

И в эту минуту нас знатно подкинуло. Пространство вокруг словно бы раскололось и начало рвать всех на куски скрутками. Не понимая, как и почему, я отражал атаки, с ужасом наблюдая, как кроваво и страшно погибают другие. Как они превращаются в месиво — алое и бесформенное, в тени на стенах, в какие-то непонятные куски жижи. Как крошатся кости, рвутся суставы, как сминаются тела, органы...

Вокруг была только боль — безбрежная, беспощадная, нескончаемая. Вопли, что застыли в пространстве, и тишина, которая оглушала после этих криков своей очевидностью и катастрофичностью. Своей бескомпромиссностью. То, что я тогда видел, нельзя описать словами. Нельзя сравнить ни с какой из тех войн, в которых я уже успел поучаствовать. Осатанелая, бешеная стихия превращала живое в нечто другое, ужасающее и отвратительное. То, что было даже страшно жалеть, но и оставаться равнодушным не получалось.

Я пытался кому-то помогать, метался, судорожно искал братьев... Но сумел лишь себя спасти и Исилдраса, который вдруг очутился рядом. Одна из скруток, которую я удержал, не позволив себя смять, выбросила нас, как выплевывает невкусную пищу животное, а следующая вдруг потащила куда-то. Тоже так, как хищник хватается зубами за что попало и несется куда ему нужно. С этим я справляться больше не мог. Но я видел, как раскидывает других, как пейзаж вокруг необратимо меняется, превращаясь в бескрайние Топи. Как взвиваются над ними лиловые протуберанцы и испарывают небо синие всполохи, как зеленый туман клубится и обретает уродливые, пугающие очертания. Словно тентакли тянулись к небу фиолетовые, бордовые, малахитовые выбросы, вдруг начали вспучиваться болота, пузыриться, словно враз закипели...

Я видел одно пространство, другое. Скрутка метала нас с Исилдрасом и швыряла из стороны в сторону — из одного пространственного кармана в другой. Перед глазами мелькали то черные пустоши, то зеленый туман, что растекся от горизонта до горизонта, то развалины наших исследовательских зданий, которые примыкали к рабочему комплексу... То какие-то лиловые болота, то омерзительно-бордовые склизкие и вонючие кочки. То скалы, окружающие островок нормальной земли... Я видел, как в одночасье меняется вся планета... Наблюдал, понимал... И осознавал, что уже никогда наш мир не будет прежним... А моя жизнь заканчивается в том виде, в каком она шла...

...Затем были долгие и упорные поиски выхода из того места, где мы оказались отрезаны от остального мира, но... вокруг «островка жизни» дежурила смерть. Я мог отразить скрутки пространства, но был не в силах прорваться сквозь стены, которые они создавали еже-

минутно. Порталы сминались, скручивались и корежились. А уж живые существа... Пришлось как-то устраиваться на месте. Мы с братьями, другими Архимагами, что угодили в ловушку, и Темными эльфами магически отстроили замок. Орки, оборотни и люди возвели собственные деревни и города.

В полях заколосились посевы, на деревьях начали зреть плоды, опуская ветки тяжелыми гроздьями до земли. В кустарниках алыми, черными, синими бусинами поспели ягоды...

Животные, что тут остались, давали нам мясо...

Но очень скоро стало отчетливо ясно, что наша магия иссякает. Вне этого места мы подпитывались как бы от среды, от планеты или чего-то еще. Здесь же подобное не получалось. Я чувствовал, как силы уходят с каждым днем, как слабеет моя способность сдерживать скрутки, и как каждая схватка с ними дается все тяжелее и тяжелее...

Страх, что в один прекрасный момент, внезапно, я не смогу защитить людей, которые доверились мне, рос внутри, как ядовитая опухоль. Я не спал ночами, глядя в потолок и прислушиваясь к биению Топей за стенами замка. Я чувствовал, как они ждут – терпеливо, с довольным предвкушением.

Ждут, когда я ослабею, чтобы поглотить нас всех без остатка.

И вот, в один прекрасный момент, мы с Исилдрасом в порыве отчаяния, решили вытянуть энергию из соседнего мира, взять оттуда и... вместо нее пришла попаданка. Мы не знали, что с ней делать, как быть, собирались отправить в город людей, но... ее секс с Исилдрасом внезапно наполнил брата новой силой и магией. Так мы поняли, как можем продержаться. Старались не задумываться о том, что вытаскивали попаданок из их миров, отнимали у семей и любимых.

Фактически – забирали у них жизнь...

Но ведь мы одновременно дарили другую. Женщины становились моложе — многие попали сюда, будучи на Земле пенсионерками, как они выражались, старыми, больными и дряхлыми. А тут опять становились молодыми и получали магию, которую мы высасывали. Не полностью, но большую часть.

Мы искали выход, пытались создать стационарный портал, какие делали некогда в древности. Делали все, чтобы выбраться, вырваться из этого замкнутого круга, наконец-то окаяться во внешнем мире...

Но портал раскрывался и тут же опять схлопывался.

Мы успевали порой выхватить взглядом кусок своего Шейрормира – свободного, потрясающего.

Краем глаза увидеть, как он изменился. Как появились в небе летающие машины, как здания снаружи начали чистить и полировать другие удивительные агрегаты.

Как воздвигли замки, что парили, словно бы не имея фундамента.

Но попасть туда мы не могли.

Словно Синие Топи издевались, давая заглянуть в собственный мир, но не позволяя коснуться, даже на жалкое мгновение.

Ежедневная борьба и частая подпитка от попаданок стали нашей реальностью...

До момента, пока я не встретил ее.

Идриль.

Она перевернула все с ног на голову.

И заставила меня сомневаться.

Хотя сомнения все равно ничего не решали. Никто из нас другого выхода не знал.

Мы и без того не сидели сложа руки, как выражались порой попаданцы.

И без того не довольствовались тем, что имели...

ГЛАВА 4

Идриль

Полгода назад. Земля.

Все произошло в самый обычный, ничем не примечательный вторник, который совершенно ничем не отличался от череды других дней.

Я забрала младшего сына – Артура – из школы. Старший, Радик, ждал дома — готовил всем ужин, потому, что я экстренно сдавала рекламную книгу и не успевала почти ничего больше. Срочный заказ, с хорошей оплатой нельзя было сорвать ни при каких обстоятельствах.

Муж – Антон – был еще на работе. Задерживался из-за каких-то проблем. Я не проверяла и не сомневалась, у нас в семье все строилось исключительно на доверии.

Я помнила, что случилось до мельчайших подробностей – они засели в голове подобно занозам...

Вот Артур бежит, размахивая рюкзаком и солнце золотит его светлые волосы.

Майский поселок цветет и пахнет – вокруг ароматы одуванчиков и нектара.

Невесты-вишни и яблони хвастаются белой кружевной фатой из цветов.

Новенький асфальт приятно пружинит под моими ногами.

Где-то, неподалеку, надсадно лает собака, раздражает своим вторжением в нашу спокойную прогулку до дома.

Сосед выгуливает собаку – смешного мопсика – и приветливо машет рукой.

Артур еще чуть прибавляет шагу, и я кричу:

— Не бегай, еще навернешься и упадешь!

Сын оглядывается и улыбается. Его серые глаза, прямо как у отца, лучатся задором и детским восторгом. В них живет еще то беззаботное, безбрежное и невероятное счастье, которое испытываешь только ребенком.

Артур подпрыгивает – лихо так, но опасно. Я вздрагиваю, будто предчувствую страшное, но не понимаю – откуда грядет истинная беда.

Ветер срывает с сына бейсболку, и он тормозит, спохватывается...

Я протягиваю руку, чтобы зацепить кепку, поймать...

Но... небо раскалывается на части, словно разошлось по всем швам.

Я даже понять ничего не успеваю.

Сначала вспышка — неестественная и ослепительно-синяя, как будто с искрами и зеленым дымком. Затем — грохот, от которого закладывает уши.

Земля под ногами в момент ухает вниз, и я срываюсь в пустоту, в бездну.

В ту секунду вижу только одно: Артур и Радик падают тоже.

Глаза мальчиков расширены от ужаса, рты раскрыты в беззвучном крике или просьбе о помощи.

Радик же в доме! Как он тут оказался?

Пронзает яркая, словно молния, мысль.

Господи! Что это?

Это не сон?

Выстреливает вторая.

— Артур! Радик! – мой крик вырывается на свободу, как птица из клетки.

Я протягиваю руки к сыновьям, но... между нами разверзается и расширяется черная бездна. Синее свечение разрывает пространство на части. И... мальчики окончательно исчезают из вида.

А я... я продолжаю падать одна.

Долго. Кажется, целую вечность.

*Вокруг клубится зеленый дымок, вспыхивают, словно вены внутри гигантского тела
лиловые ветки, все крутится и перемешивается, будто в калейдоскопе.*

*Верх и низ перестают иметь значение, но в какой-то момент меня словно дергает
именно ввысь.*

Я взрываю, как на батуте и... все заволакивает чернота...

...Очнулась я на берегу озера, за которым тянулись болота.

Я почему-то знала – водоем и Топи разделяет нечто, что не дает просочиться губительным
испарениям. Откуда-то понимала – они здесь, жаждут, рвутся убивать, уничтожать все живое
и меня, в том числе.

Но их постоянно отбрасывают назад.

Я поднялась на ноги, сделала вдох, отряхнулась и дала себе слово, что обязательно найду
своих мальчиков.

Когтями, зубами буду рвать землю и окружающих. Но мы снова будем вместе, семьей...

...Первые дни в новом мире стали для меня сущим адом.

Меня обнаружили патрульные Кейзала. Четыре женщины в кожаных доспехах с холод-
ными глазами и оружием, которое мерцало в окружающей Тьме. Они подняли меня, грязную,
обессиленную после метаний по полю, по лесной чаще, в поисках людей, в поисках помощи.

Они же отвезли меня в город попаданок и людей.

Кейзал, как и многое здесь, строился Темными эльфами прямо из огромной горы. Здания
местами змеились на узких тропках, вдоль резких обрывов и вертикальных склонов, а местами
оказывались прямо внутри каменного массива.

Здесь пахло теплом и травами, корнями и... тоской.

Многие попаданки угодили сюда, как и я, вырванные из семьи, от друзей.

Некоторые нашли тут себе пару – человека, орка или же оборотня.

Другие продолжали жить и надеяться, горевать и сражаться, в ожидании избавления.

Какое-то время я просто существовала. Помогала готовить, собирала грибы-ягоды в бли-
жайших лесах. Но потом, в один прекрасный момент, стало ясно, что у меня особая сила.

Каждая попаданка обладала даром – либо целительства, либо работы с аурой.

Но большинство слабыми.

Мы еще с двумя женщинами собирали коренья на опушке леса, когда синий всполох –
привет от Топей – расколол небо. Привычно, вроде бы все, как обычно, подобные явления
здесь были не редкостью. Однако вдруг оттуда, прямо на голову, хлынул поток ослепительных
и убийственных бордовых искр.

Мы ничего сделать не успевали – замерли, потому что «град» покрывал огромную пло-
щадь. Беги – не беги, все равно без толку. Я смотрела на бордовые искры, на небо, которое
враз заволокло сиреновой мглой, и страх сковал тело, не давая пошевелиться.

И вот, когда смерть уже должна была нас настигнуть, я вдруг встрепенулась, дернулась
— и... убийственные «градины» отлетели куда-то подальше. Я закричала от радости, от облег-
чения. Прыгала, как малолетка, визжала...

Но этот восторг продлился недолго. Очень быстро мне объяснили, что моя такая уни-
кальная аура, способная немного, но управлять «подарками» Топей, не столько удача, сколько
проклятье.

— Ты можешь аккумулировать энергию из окружающего мира, — объясняла Лира,
наставница, высокая брюнетка с лицом берсерка и разбитым сердцем матери, которая также
осталась тут без дочурки, что жила себе на Земле. — И ты можешь отдавать ее. Но только
через физический контакт. Самый эффективный способ — секс. Энергия передается лучше
всего через близость.

— Поэтому нас ловят и продают Архимагам? — догадалась я. — Поэтому мы здесь?

Лира криво усмехнулась.

— Мы — источник. Архимагам, да и обычным магам, без разницы, нужна наша энергия, чтобы выжить и стабилизировать этот мир. Но, если мы не отдаем ее добровольно, эта мощь сжигает нас изнутри. А если отдаем слишком много — то умираем. Баланс, девочка. Всегда существует баланс. Мы здесь, чтобы не погиб этот клочок земли и те, кто тут обитают. Мы зависим от него — он от нас.

Я стиснула зубы, слишком ярко представив, как через секс какой-то высокомерный ушастый, каких мы видели издавна, на базаре, забирает у меня энергию. По спине пробежал холодок, и внутри родился жгучий протест.

— Я не буду батареей. Вот уж нет!

— Тогда научись защищаться, — Лира кивнула на тренировочный полигон. — Женщины Кейзала воюют как амазонки. Мы строим укрепления, отбиваем набеги и ищем способ вернуться домой. Но для этого нужно быть сильной. И жестокой. Нужно стать убийцей, если хочешь.

Я долго смотрела, как сражаются другие попаданки. Как они со звериным рыком кидаются на соперниц и как не дают ни малейшего спуска, пощады. Я видела их лица, искаженные ненавистью и горечью, и понимала, что они бьются не друг с другом — со своей судьбой, со своей горькой долей. И я выбрала драться...

Четыре месяца спустя стала одной из воительниц Кейзала.

Невероятно быстро, словно мое тело было создано исключительно для этого я, которая никогда в жизни не держала в руках ничего, тяжелее большого кухонного ножа, научилась вполне сносно обращаться с мечом, кинжалом и луком. Натаскалась чувствовать магию, которая текла в Синих Топях. Натренировалась скрывать свою ауру. Но сложнее всего было научиться не плакать по ночам. Тоска не уходила, не отступала. Она, словно изголодавшийся шакал, ждала, пока заботы и тренировки, выживание отпустят меня на мгновение, и тотчас вгрызалась в нежную душу.

Каждую ночь я лежала в своей комнате, на постели и вспоминала, и вспоминала.

Картинки из прошлого отзывались в груди тоской, но именно они помогали мне дальше бороться.

— Мама, твое ведерко для малины не любит тебя... Видишь, как далеко висит, а мое рядом и очень тебя любит...

Смеется Радик. Так мы три года назад собирали с ним ягоды.

Парнишке хватало больше терпения собирать в себя, а не в емкость, в итоге — моя почти наполнялась, а у него ягоды были только на доньшке. И вот он очень хотел, чтобы я туда набирала. Я артачилась, крутилась, чтобы дотянуться до своей емкости. Но, в итоге, и в его тоже добавляла спелые ягоды.

— Сажает лягушат на лодки! Давай! — кричит Радик своему другу — Денису. Они пускают радиоуправляемые лодки на озере, и зачем-то сажает на них крошечных лягушат, что заполонили ступеньки возле ухоженного водоема.

Смеются, опять «охотятся» на мелкоту...

Вхожу в спальню к Артуру — на цыпочках, осторожно.

Он лежит с закрытыми глазами, но видно — не спит. Веки чуть вздрагивают.

Я приближаюсь, сажусь на краешек постели и глажу и целую.

В носик-курносик, в щечки...

Он улыбается и шепчет: «Спасибо, мамочка...»

Сколько раз мне снилось, как мы снова и снова падаем в бездну.

Я кричу, тяну руки к мальчишкам, а они исчезают в непонятном тумане.

Где мои мальчишки? Куда угодили? В другой конец Топей? Вообще в другой мир? Или остались на Земле, а меня считают погибшей?

Временами я видела сыновей в ребятах на площади, которые играли на эдаком огромном плато нашей горы-города. Вдруг слышался мальчишеский крик, и я вздрагивала, крутила головой, чтобы обнаружить чужого ребенка.

А потом от разочарования хотелось кричать, выть на Луну, как волчица, у которой стащили щенков.

Про мужа я практически не вспоминала.

Наверное, его вечные задержки на работе что-то да значили, а возможно я хотела так себя успокоить. Но ощущала – больше мы не увидимся, надо жить дальше.

Других вариантов не будет...

И я жила... Мыслями об Артуре и Радике...

...Затем случился набег...

Орки пришли на рассвете. Целой ордой. Их в Кейзане боялись особенно. Они не останавливались после ранений, не боялись травм и шли, словно машины для убийств и сражений. Я видела, как они перелезают через стены, как их зеленые тела мелькают среди зданий. Я дралась, как зверь, как осатанелая, обезумевшая медведица. Каждый удар меча, каждый выпад кинжалом словно усиливался отчаянием и затаенной тоской.

Но... орков было слишком много. В какой-то момент я ощутила удар по голове, и темнота заволокла мир.

Очнулась я в большой деревянной клетке, вместе с четырьмя другими женщинами из Кейзана. Они сидели, словно «выключенные», с таким выражением на лицах, словно уже умерли. Я попыталась встать, но голова закружилась, пришлось хвататься за прутья и срочно садиться. В ушах звенело, перед глазами плыли и плясали цветные пятна.

Клетка располагалась на одной из повозок орков, работающих на магии. Они словно плыли по воздуху. Огромные и неуклюжие, управляемые зелеными великанами. По сторонам мелькали деревья, пышные кустарники и цветущая равнина.

— Куда нас везут? — спросила я остальных, растирая ушибленный затылок. Пальцы наткнулись на спекшуюся кровь, и я поморщилась от боли.

— На рынок, — ответила соседка, молодая девушка с разбитой губой и заплаканными глазами. — Там нас продадут. Кому-то на подпитку. В рабство. Я слышала, что там есть Властелин — правящий всем в Новом Шейрормире Архимаг — и он собирает попаданок для своих целей. Говорят, он страшный, древний. И беспощадный. Но только он может стабилизировать наш мир...

Я закрыла глаза и откинулась на прутья клетки. Древесина больно впилась в спину, но я не обратила на это внимания. Ладно. Мы еще поглядим, кто кого. Я не собираюсь становиться подстилкой, сексуальной рабыней, батареей для кого-либо, даже для Властелина. Я найду путь домой и отыщу своих мальчиков.

Даже, если для этого придется перегрызть глотку самому беспощадному и могущественному Архимагу. Даже если для этого придется смотреть в глаза самой смерти.

Кто ж знал, что у этой смерти глаза цвета янтаря с красным и голос, от которого что-то вздрагивает внутри...

ГЛАВА 5

Идриль

По одному маху руки Исилдраса словно ниоткуда возникли эльфийские гвардейцы. Я уже видела их на рынке, но, когда Селармин появился, не заметила, где они находились. Или они просто терялись на фоне Властелина? Даже не знаю. Может, я просто не обращала на внимания на окружение, потому что зачем-то сосредоточилась на Селармине?

У меня на руках сомкнулись энергетические наручники, на ногах — такие же кандалы. Едва видимые, как голубоватый туман, что закрутился вокруг лодыжек с запястьями, они ограничивали похлеще любых металлических. Теперь я могла ходить всюду, но пока разрешает невидимый «поводок». В противном случае в кровь впрыскивалась убийственная магия, останавливать которую не под силу уже никому. Результат — только смерть.

Кристалл в руках Исилдраса регулировал, чтобы я не удалялась и не приближалась на определенное расстояние от хозяина. Он приказал:

— Идем!

И я зашагала. Рыпаться смысла уже не имело. Гвардейцы и Архимаг — не явления Топей, не Синие Всполохи и не сиреневые выбросы. Я не могла ими управлять, разве что подлечить. Впрочем, по моим ощущениям, они были более чем здоровы.

Мы вышли с рынка, спустились к подножию горы и... вместо летающей повозки сразу шагнули в портал. Внутри меня все сжалось от неожиданности — я никогда раньше не пользовалась пространственными разломами. В Кейзале не было такой магии, местные лишь рассказывали о ней с восхищением и благоговением.

В теле возникло странное ощущение, словно меня протаскивают сквозь трубу, нещадно сдавливая со всех сторон. На мгновение потемнело в глазах, а затем я очутилась в белом глянцеvom зале, опять же выбитом прямо в горе, думаю, как и весь остальной замок. С потолка и пола лились и встречались посередине лучи минералов Синей горы. Помещение казалось сделанным из стекла, но я понимала, что это лишь видимость — такой камень тут называли хрустальным. Он переливался и искрился, рассыпая свет на тысячи радуг. По периметру зала у стен располагались пухлые диваны и кресла, обитые белой бархатистой материей.

— Чего застыла? Тебе туда! — подтолкнул один из гвардейцев — надо признать, довольно бесцеремонно. Впрочем, учитывая энергетические кандалы, стражей и Архимагов вокруг, мне ничего не оставалось, как подчиниться. Я сжала зубы, чтобы не выругаться, и двинулась куда указали.

Я шла по просторному коридору, мимо высоких дверей, мимо гобеленов с изображениями эльфийских воителей и балов, видимо, при дворе прежнего государства, откуда и угодили сюда остроухие. Каждый шаг рождал отзвуки в тишине, и я чувствовала, как пульс взвинчивается все сильнее. Наконец, Исилдрас крутанул меня к распахнутой двери, за которой обнаружилось еще несколько, тоже предусмотрительно открытых. В глубине комнат стоял Селармин и молча ждал, когда я приближусь.

Я шагнула и устремилась к нему. Медленно, не спеша. Как будто отмеривая шагами не помещение, а расстояние до собственного позора и унижения. Я чувствовала на себе его взгляд, и этот взгляд опалял кожу, катастрофически неизбежно просачивался под нее и заставлял внутренности сжиматься в тугий узел.

Первая дверь закрылась с глухим, словно похоронным стуком.

Дальше, будто речитативом, захлопнулись следующие — видимо, при помощи магии, потому что в помещениях, кроме нас с Властелином никого не было.

Я застыла в центре огромной спальни, неподалеку от Селармина, сжимая кулаки, и ощущая, как под ложечкой неприятно сосет от напряжения момента. Воздух здесь был почти вязким, густым, и пахло чем-то чужим — терпким, пряным, с нотками дыма и металла.

Фигура Селармина — мощная, монументальная и одновременно гибкая, четко вырисовывалась на фоне синевы за прозрачным стеклом окна. Фиолетовые и синие всполохи, которыми расчерчивали небо Топи, обрамляли его силуэт, играли на иссиня-черных волосах, в которых алыми змейками вились пряди аттана. Я смотрела на него и не могла отвести взгляд. Он был красивым, шикарным и опасным, как великолепный клинок. Пока лежит, можно полюбоваться, но не дай тебе бог встретиться с ним в бою.

Селармин хранил молчание, но оно давило на нервы сильнее любых изощренных угроз и заставляло ежиться помимо воли. Я чувствовала, как ладони покрываются холодной испариной и мышцы начинают деревенеть. Я была сейчас в его власти: полностью, безраздельно. И мысль о том, что мне предстояло, отдавалась внутри протестом и отчаянной горечью безнадёжности.

Каким бы шикарным и великолепным ни выглядел мужчина передо мной, я не хотела, чтобы меня брали без эмоций и без согласия, наплевав на мои чувства и растоптав достоинство женщины. Брали исключительно затем, чтобы цинично получить энергию для своих целей, пусть даже они не эгоистичные, а важные для Нового Шейрормира.

Селармин вдруг устремился навстречу, двигался решительно, но спокойно — так идут к чему-то уверенно, не зная отказа и не принимая его. Я ощущала каждый его шаг и как неизбежно сокращается расстояние между нами.

Это было... неожиданно волнующе, тем-то и пугало, и одновременно шокировало.

Я тут же выставила перед нами преграду из своей фразы, полной вызова и обвинений.

— Будешь насиловать? Ради общего блага надругаешься над женщиной?

Думала, он резко приблизился и, как минимум, схватит за горло, прижмет и как-то заставит молчать. Именно так я его представляла — несокрушимо властного и абсолютно негибкого эльфа — правителя, повелителя.

Но Селармин... неожиданно остановился в паре-тройке шагов, словно, реально, наткнулся на невидимую стену.

Его янтарно-красные воззрились с таким пристальным вниманием, что я невольно выпрямила спину, хотя колени уже начинали предательски дрожать. Напряжение сгустилось, будто упало на грудь бетонной плитой. Я с трудом делала вдох, чувствуя, как воздух становится плотным, тяжелым.

Властелин продолжал стоять передо мной практически расслабленно, словно хозяин положения, словно... впрочем, он и есть теперь мой хозяин.

Я ненавидела эту страшную правду. Ненавидела себя за то, что допустила подобную ситуацию. Ненавидела Селармина за то, что он оставался настолько спокоен и безмятежен на фоне трагедии, которая случится со мной. За то, что для него — это ежедневность, обыденность, а не растоптанная, униженная женщина.

Выдержав паузу, Властелин вдруг продолжил диалог так, словно тот и не прерывался:

— Нет, — сказал тихо, но в его голосе было сейчас столько силы и твердости, что мурашки побежали по коже. — Я хочу, чтобы ты сама пожелала отдать энергию. Много, много раз отдавать, а вовсе не истощаться. И вовсе не «всем остальным». Я взял тебя только себе! Никто другой не коснется тебя и не посмеет даже заговорить!

— Вы шутите? Издеваетесь? — я просто ушам своим не поверила.

С чего бы вдруг ему ограждать меня от других, с какой стати заботиться. Ну пусть и не заботиться, но по-своему защищать? Меня — кусок ауры и магии, который купался исключительно, как батарейка.

— Даже и не думал шутить. Приближенные утверждают, что это абсолютно не мой конек, — он ответил так просто, спокойно и почти... откровенно, будто хотел, чтобы я немного узнала

его... даже посмеялась? Над его неумением шутить? Я нервно подобралась, потому что ситуация не укладывалась ни в какие предположения и фантазии.

Селармин чуть улыбнулся – как он это умел, чтобы лишь уголки губ приподнялись, и продолжил, как ни в чем ни бывало:

— Я могу доставить женщине такое удовольствие, о каком ты даже и не подозреваешь. Ты представить не можешь, какие грани наслаждения способна постичь женщина в постели со мной... Я хочу, чтобы ты плавилась в моих руках раз за разом, а мир получал нужную стабилизацию.

Кажется, у меня закончились слова. Эмоций было столько и такие разноречивые, что я не знала – то ли кричать, то ли смеяться, то ли плакать, то ли что-то еще.

Впервые в жизни внутри образовался такой непонятный, бурный комок чувств, порывов, желаний, страстей, который я не то, чтобы обуздать, даже понять оказалась не в состоянии. Лишь в ступоре смотрела на Селармина, будто перегруженный компьютер, что мигает экраном и все, больше ни на что не способен.

Он сделал шаг навстречу, еще шаг, и когда чудилось – вот-вот мы снова окажемся вплотную, как недавно на рынке – вдруг свернул и начал словно бы обходить вокруг. Бесшумно и грациозно, словно великолепный и смертельно опасный хищник возле добычи.

— Я-а-а... не хочу тебя! — выпалила я с каким-то отчаянным отрицанием.

— Ты захочешь. Даю слово. Очень захочешь...

Его голос звенел где-то внутри и оседал на коже стайкой мурашек.

— Ты захочешь, Идриль, и сама еще попросишь не останавливаться, не прекращать.

— Этого уж точно не будет! — выкрикнула я, защищаясь от странного гипноза и наваждения. И нет, это не было магией, это было нечто абсолютно иное. Что-то более глубокое, более древнее.

Селармин остановился в нескольких шагах, и я ощутила, как его аура буквально окутывает, проникает под кожу, неожиданно заставляет сердце биться быстрее. Я попыталась отступить, но ноги не слушались. Внутри что-то пело, звенело, тянулось к нему, и это бесило меня до зубовного скрежета.

— Нельзя заставить женщину хотеть только лишь ласками и поцелуями, воздействуя на эрогенные зоны и все такое! Я не машина, меня невозможно включать и выключать, — сказала тихо и уже гораздо менее уверенно, нежели раньше. Селармин вновь слегка улыбнулся и кивнул, будто принимал условия игры.

— Хорошо. Нельзя так нельзя. А если у меня получится?

— Не получится!

— Тогда тебе нечего бояться, разве не так? Расслабься и просто жди, когда я потерплю сокрушительное фиаско...

— И что тогда? Отдашь меня другим Архимагам? Пусть надругаются всей толпой? – мой голос сорвался от напряжения, одновременно ощущения какой-то игры, даже флирта и страха перед ответом.

— Я же сказал – я взял тебя только для себя. Ты вроде бы умная и схватываешь на лету.

Он был спокоен и одновременно возбужден, красив и одновременно страшен в этой своей непобедимой вере в собственные возможности и таланты. Он нравился мне своей мощью, тем, что все же не начал насиловать, своей статью и внешностью, но и отталкивал тем, что собой представлял. Того, кто разменивает энергию беззащитных, униженных женщин, лишив их семьи, дома, всего, что любили и берегли, на возможность продлить дни своего проклятого мира.

Впрочем, если думать о мире не как об абстрактном куске суши среди гибельных топей, а вспоминать детишек, что играли на площади Кейзана в прятки, влюбленные парочки, что бродили по улицам вечерами... Матерей, которые обнимали своих сыновей и дочурок... Все

становится уже не таким однозначным. Если бы жизнь моих детей зависела от такого? Вина только лишь в том, что родились в этом проклятом месте...

Я встряхнулась, стараясь избавиться от наваждения, которое, казалось, навел Селармин.

Тем временем, аттан приблизился вплотную, и я ощутила жар его тела. Мне пришлось задрать подбородок, чтобы смотреть в глаза Властелина. Они оказались... неожиданно теплыми, наполненными внутренним светом, как будто для него, действительно, что-то значили мой отказ или согласие. Я на мгновение даже слегка растерялась. Не ожидала, и не готовилась к такому взгляду, который вдруг начал топить ледяную решимость и ярость, что бушевали в крови, превращая их в нечто чисто женское, природное. Тоску по сильному плечу рядом?

Рука Селармина — теплая, сильная и почему-то ужасно надежная — легла на щеку — легко, почти невесомо, но я вздрогнула, будто меня ударило током. Касание вроде казалось обычным — даже не так — совершенно обыденным. Но он действовал так, что я напряглась и одновременно немного расслабилась, ощущая, как каменные стены неприятия его действий, методов и вообще ситуации начали давать трещину за трещиной. Я старалась усилием воли укреплять, но они ломались под напором даже не Селармина, а того, что жило внутри меня.

— Какая ты необычная, — прошептал Властелин, и его голос завибрировал где-то внутри, заставляя низ живота сжиматься и слегка расслабляться. Он будто говорил не со мной — не с разумом, а с моим телом. Словно эти звуки воздействовали, как игра дудочки на крыс, змей или вроде того. Я не хотела, но ощущала... Сопротивлялась, но поддавалась. Я будто раскололась на две части — разум, эмоции и желания тела. Не плотские инстинкты, а именно эта золотая триада, которой женщине так сложно противостоять. Дремучая, первобытная тяга к мужчине, что заслонил от других и присвоил, стремление чувствовать себя желанной, неповторимой и... то, как мое тело отзывалось на ласки. — Твоя аура... она словно пламя. Я чувствую ее даже на расстоянии. Ты ведь тоже ощущаешь это, Идриль? Это не просто влечение. Это связь, истоки которой я сам пока что не понимаю, но обязательно разберусь... — голос Селармина перешел в тихий, проникновенный шепот. В глазах плясали горячечные отблески.

Я на мгновение замерла, словно сохранилась в этом ощущении, в этом коконе тепла, жара и... желания — одного на двоих. Но затем заставила себя отшатнуться. Однако Селармин не позволил уйти. Его пальцы скользнули по моей шее, по плечу, спустились к талии, и я снова застыла, не в силах пошевелиться. Я чувствовала, как тело предает, словно в пошлых романах, которые всегда ненавидела. Как мышцы расслабляются против воли и внутри разливается странное, теплое, удушливое томление.

Я задрожала, ощущая, что Селармин словно касается не кожи — а прямо нервов, оголенных и ждущих его, именно его! Они пели под пальцами аттана, как струны гитары поют под пальцами умелого музыканта.

Я забыла в эти мгновения о том, что еще полгода назад делила постель с мужем — любимым мужчиной, по крайней мере, так тогда думалось.

Забыла, что у меня вообще были другие...

Тем временем, Властелин наклонился, и его дыхание коснулось шеи — обжигающее... и пьянящее. Я невольно прикрыла веки, когда его губы легко провели по коже, оставляя дорожку мурашек и... неудовлетворенность от того, что все так невесомо и быстро. Это было неправильно, чудовищно, отвратительно, я должна была оттолкнуть его, вырваться, ударить... Но я не двигалась.

— Ты хочешь этого, — прошептал Селармин. — Твое тело знает то, что отрицает разум.

Руки Властелина скользнули под доспех, под рубашку, добрались до кожи, вытаскивая изнутри непривычно-мощное, порочное и одновременно правильное желание. Селармин не давал опомниться, не ждал, пока «оцифрую» происходящее, «поймаю мыслями точку», на которую смогу опереться и вернуть равновесие — душевное, физическое, чувственное...

Селармин резко притянул и вжался. Я ощутила, насколько напряжено его тело, как он весь дрожит от сдерживаемого желания. Это было словно признание и некое беззащитное откровение. Селармин давал мне понять и прочувствовать – насколько сам жаждет слияния. Он будто выражал высшее доверие, позволяя узнать свои слабости.

И это сработало, как подножка для моих противоречий, для отторжения его методов и образа жизни... Одним движением Селармин уложил это все на лопатки.

Дыхание сбилось, сердце подскочило вверх, ухнуло вниз, заколотилось и пропустило удар. Внутри меня боролись ненависть, страх и... что-то еще. Что-то глубокое, незнакомое, абсолютно женское, и оно требовало, чтобы я поддалась.

Пока я остекленела, Архимаг снял одежду, расстегнув и расшнуровав доспех так легко и быстро, словно всю жизнь только этим и занимался, причем, тренировался на скорость и даже сдавал нормативы.

Я оказалась только в белье.

Селармин немного помедлил, словно тоже привыкал к нашей близости, я отчетливо чувствовала мощный пульсирующий бугор под его брюками. Наконец, Властелин сделал прерывистый вдох и начал ласкать меня — медленно, терпеливо, пробуя на вкус каждый участок кожи. Его пальцы рисовали круги на моей спине, опускались к пояснице, поднимались к плечам. Каждое прикосновение было словно открытие, откровение для моего тела и меня лично. Он не лапал меня за соски, не пытался стимулировать эротические зоны или лезть между ног. Совсем нет.

Это было не как в романах с эротикой, где мужики действовали на уровне чистой физики. Это было... невесомо, почти как массаж, только чуть лучше, чуть глубже и чуть более откровенно. Но лишь капельку, совсем немного. Он срывался на близость к груди, к лобку, к внутренней стороне бедер и сразу же касался в куда более целомудренных местах. Он дразнил, массировал, заставлял каждую клетку и каждую мышцу ощутить нечто новое.

Он не лгал. К сожалению.

И я ненавидела себя за то, что не могу сопротивляться, что тело плавится в его руках, что я уже почти готова забыть о том, кто он и зачем я здесь оказалась. Про его вину в моем попадании и про то, что он меня грубо использует.

Селармин медленно, едва-едва кончиками пальцев провел по моим губам так, что я невольно издала тихий ах. А затем поцеловал. В тот момент я потеряла связь с реальностью на мгновение. Его язык проник в рот, и я ответила — инстинктивно, не думая, позволяя себе наслаждаться этим моментом. От Властелина пахло дымом и звездами, и этот запах кружил голову, заставлял забыть обо всем.

Но потом я распахнула глаза. И... увидела свое отражение в его зрачках — слабую, покорную, женщину, которая готова отдаться врагу. Это было унижительно и отвратительно. Стать его игрушкой, его батареей, при этом добровольно предлагая себя «выпить». Фу-у-у...

Я оттолкнула Селармина так резко, что тот отшатнулся.

— Я не хочу! Я не имею права противиться, у меня нет никаких прав. Нет семьи, которой ты лишил меня, нет больше любимых сыновей! Нет ничего! Но достоинство у меня осталось. Ты можешь взять меня силой. Но я не буду твоей страстной любовницей. Я буду терпеть, но не хотеть!

Я тяжело дышала, грудь вздымалась, а по щеке скользнула одинокая, горькая слеза и теплым ручейком заползла в рот. Я смотрела на Селармина с отторжением и отвращением. Но больше всего в эту минуту я ненавидела не его, а себя — свою слабость и свое тело, которое предало и поддалось, словно я животное, а не разумное существо. Будто я какая-то течная сучка... весной...

— Ты... ты чудовище! — выплюнула я. — Ты думаешь, что, если будешь ласкать, я забуду, кто ты? И что именно ты лишил меня любимых, близких, тех, кто мне дороже жизни!

Селармин смотрел на меня странным, пронзительным взглядом. В его глазах не было ни злости, ни разочарования, ни ярости, которые я ожидала увидеть — только удивление и что-то похожее... на уважение?

— Ты сильная, — сказал он тихо. — Я знал, что так будет. Но я не желаю ломать тебя, Идриль. Хочу, чтобы пришла сама. Чтобы поняла... — он замолчал, проглотив кусок предложения и не закончив, добавил: — Хочу, чтобы ты сделала свой выбор.

Селармин вдруг резко отошел от меня и жестом указал на дверь.

— Ты свободна. Можешь передвигаться по замку и по окрестностям. Стражи не будут тебя останавливать. Подумай, и когда захочешь — вернешься... Главное, чтобы не было поздно.

Это «поздно» он сказал так, словно сам удивился. Вытянул губы в жесткую линию и повторил:

— Уходи!

Я повернулась к нему спиной и начала судорожно одеваться. Пальцы не гнулись, промахивались мимо петель и узлов, словно мое тело с транспарантами и возмущениями митинговало против такого решения. Я застегивала этот доспех тысячи раз за минуты, мгновения, когда требовалось срочно встать на защиту Кейзала, а сейчас, кажется, провозилась минут двадцать или чуть меньше.

Селармин молчал, и я боялась даже посмотреть в его сторону.

Тишина оттуда действовала хуже любых слов, проклятий и обещания подчинить.

Из покоев Властелина я вышла на негнущихся ногах, чувствуя, как сердце все еще бешено колотится и титаническим усилием воли заставляя себя не оборачиваться.

Закрыла за собой дверь и прислонилась к холодной каменной стене, пытаюсь отдышаться, прийти в чувство. Провела рукой по губам, которые все еще горели от поцелуя, и почувствовала, как внутри поднимается паника.

Я не должна поддаваться этому. У меня есть цель — найти сыновей. Нужно сосредоточиться на этом. Селармин — всего лишь враг, соблазнитель, который пытается меня обмануть. Я не должна верить ни единому его слову.

Однако мое тело помнило его прикосновения, верило им и доверялось. Хотело их и искало опять...

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.